

УДК 821.161.1

Е. Е. Приказчикова

**«ВОЗДЕЛЫВАЯ СВОЙ САД»:
УТОПИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
САДОВО-ПАРКОВОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ПРИМЕРЕ «ЖИЗНИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ...» А. Т. БОЛОТОВА**

Рассматривается реализация садово-парковой утопии эпохи Просвещения на примере «Жизни и приключений...» А. Т. Болотова. Автор анализирует эволюцию утопических представлений эпохи в этом мемуарно-автобиографическом произведении. Показано разрушение садово-парковой утопии естественного состояния человека под воздействием реалий «железного века», пришедшего на смену идеям эпохи Просвещения.

This article considers the realisation of the Enlightenment landscape utopia on the example of the analysis of the evolution of utopian ideas by Andrei Bolotov in his autobiographical work "Life and Adventures". The author of the article outlines the destruction of 'natural state' of a human being by the realities of the 'Iron Age' that followed the Enlightenment.

Ключевые слова: садово-парковая утопия, утопия места, аберрация личной точки зрения мемуариста, сентиментальный пантеизм, сельская садовая идиллия, антиномический характер культуры Просвещения.

Keywords: landscape utopia, place utopia, aberration of memorialist's point of view, sentimental pantheism, rural garden idyll, antinomic character of Enlightenment culture.

Среди утопий эпохи Просвещения важное место занимает садово-парковая утопия, ставящая своей целью показать идеальное бытие естественного человека на лоне природы. Выступая в роли учителя жизни, природа являла себя человеку XVIII столетия через садово-парковый ландшафт, который «являлся местом философских бесед и прогулок, во время которых можно было постигать добро, учиться почитать прошлое и великих людей, познавать мир во всем его естественном многообразии, культивировать разум и чувства» [8, с. 40].

Мысли о природе-воспитательнице настойчиво проводятся в поэме А. Поупа «Опыт о человеке», где автор настаивает на том, что именно подражание природе должно возратить человеку потерянный «золотой век», когда «по воле неба жизнь была цела, / И тварям человек не делал зла [6, с. 169]. Ж. Делиль, автор знаменитой поэмы «Сады», заявлял: «Внушив любовь к полям, внушаем добродетель» [4, с. 6]. Садово-парковая утопия находит яркое отражение и в творчестве А. Т. Болотова, знаменитого русского просветителя, писателя и мемуариста второй половины XVIII века.

Болотов был создателем одной из самых интересных садово-парковых утопий в русской мемуарной литературе эпохи Просвещения. Изучая садово-парковую тему в «Жизни и приключениях...» А. Т. Болотова,

можно ответить на вопрос, в каком направлении шло развитие человеческой природы в XVIII столетии и почему в качестве предмета его особой заботы неизменно выступал сад.

Первое знакомство с регулярными садами у Болотова происходит во время военной службы в Кёнигсберге во время Семилетней войны, когда увеселительные общественные сады (наряду с библиотеками!) олицетворяют для него цивилизованную европейскую жизнь. Болотов пишет: «По счастью, находились тогда в Кёнигсберге множество таких садов, в которые ходить и там с удовольствием время свое препровождать было нам невозбранно» [1, т. 1, с. 461]. Эти сады становятся для Болотова символом цивилизованного времяпрепровождения людей, принадлежащих к различным социальным и возрастным группам. Он пишет: «Ходят в них купцы, ходят хорошие мещане, ходят студенты, а иногда и мастеровые. <...> Никакая партия другой не мешает, и никому нет ни до кого нужды, но все только стараются друг другу оказывать всякую вежливость и учтивость» [Там же, с. 462].

При описании этих увеселительных садов обращает на себя внимание почти полное отсутствие описания в них собственно «натуры»: цветов, деревьев и кустарников. Хотя дело происходит уже в конце 1750-х годов, ни о каком культе природы в этих садах речь пока еще не идет. Сады, как признается Болотов, отдаются «внаймы людям, питающимся содержанием трактиров... почему и бывают они в летнее время всегда наполнены множеством всякого рода людей» [Там же]. Это пояснение Болотова прекрасно отражает психологию среднего европейца (и тем более россиянина!) середины XVIII века. В сад летом ходят потому, что в середине его имеется трактир! Для самого Болотова, выросшего в деревне, среди природы, зеленое убранство сада как таковое еще не представляет ни малейшего интереса. Гораздо интереснее для него те игры и забавы, которым предаются в саду около трактира цивилизованные немцы, их культурный досуг, включающий в себя «прекрасные сухари, испеченные из пеклеванного хлеба» [Там же, с. 463].

Правда, кроме этих «трактирных садов» в городе были и другие места для гуляний, которые также посещал Болотов. Например, он вспоминает о земляных валах, окружающих форштаты, которые «служили общим гульбищем для жителей кёнигсбергских» [Там же, с. 464], а также о кенигсбергской традиции загородных прогулок вниз по реке Прегелю. Мемуарист вспоминал: «Место тут низменное и в особенности хорошо и удобно для гулянья. Оно изрыто множеством каналов, усаженных аллеями из деревьев, а на главной аллее находятся многие увеселительные домики и трактиры для отдохновения гуляющих» [Там же, с. 465].

Описание последнего «гульбища» с широкими аллеями и каналами очень напоминает регулярные классицистические парки, воплощающие собой идею “*le grand manier*”. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому обстоятельству, что, едва выйдя в отставку, Болотов стал задумываться об учреждении в своем родовом поместье Дворяниново подобного регулярного сада, впечатление о котором было получено им во время пребывания мемуариста за границей, в Восточной Пруссии.

Интересно, что вернувшийся в родительское поместье (Болотов к этому времени — круглый сирота) мемуарист помышляет не о расширении своих пахотных земель, не об увеличении собираемого на них урожая, а об «удовольствии проводить время в своем сельском уединении» в садах. Для этого, проезжая в свое селение через Москву, он «запасся несколькими иностранными, до садоводства относящимися книгами, из которых вознамеревался я искусству сему учиться» [Там же, т. 2, с. 205].

Рассказ об устройстве Болотовым регулярного сада, заставивший автора повести наступление на «превеликий конопляник» [Там же, с. 209], выглядит как победа культуры и цивилизации над невежеством и дикостью. Это предприятие, «которое бы в старину почтено было за великое законопреступление», для которого автору надо было вооружиться «беспримерною героическою отвагою» [Там же, с. 210]. Создав план сада, Болотов «начал засаживать его липками и яблоньками» [Там же].

Увлечение липами пришло в Россию из Германии, но именно в России они создали феномен чисто русского помещичьего сада — знаменитые «темные аллеи», прославленные И. Буниным. Липовой аллеей была знаменитая «аллея Керн», которой так много обязана русская поэзия золотого века. Яблоня — классическое «райское» дерево, которое высаживали еще в монастырских садах раннего Средневековья. Именно яблоневого сад скоро стал предметом особой гордости мемуариста: «Сколько раз я до восхищения даже любовался яблонками и всем сим произведением ума и рук своих! И какие горы удовольствия не обещал я себе от него в предбудущее время!» [Там же, с. 211].

Конечно, действительность оказалась не такой радужной, какой представлял ее себе в утопических грезах молодой помещик, создавая альтернативный вариант старому коноплянику. Болотов признается, что при основании и заведении этого сада им было наделано множество ошибок. Но это признание не может заслонить главного — искренней гордости Болотова за создание своей первой утопии места — идеального пространства, предназначенного для счастливого препровождения времени. Регулярный сад для Болотова постепенно все более и более становится символом идеального домостроительства как такового, а впоследствии и портретом души его хозяев.

Создание этого сада Болотов называл своим первым экономическим деянием, которое позволяло ему вести в нем прямо «философическую» жизнь, описание которой дается мемуаристом очень подробно. Он пишет: «Там, ходючи по своим аллеям и дорожкам, любовался я вновь всеми приятностями природы, вынимал потом из кармана книжку и, уединяясь в какое-нибудь глухое местечко, читывал какие-нибудь важные утренние размышления, воспарялся духом к небесам, повергался на колена пред обладателем мира и небесным своим отцом и господином и изливал пред ним свои чувствования и молитвы» [Там же, с. 243].

Эта 10-я часть «Жизни и приключений...», повествующая о событиях 1762–1763 годов, писалась уже на рубеже XVIII и XIX веков, когда сентиментализм в России становится господствующим литературным направлением. Поэтому нельзя не заметить в болотовских описаниях некоторого противоречия между типично сентиментальными (роман-

тическими, по терминологии Лихачева) чувствами, которые вызывает у героя лицемерие «красоты природы», и его «творением» регулярного сада. Однако эта абберация личной точки зрения мемуариста (человек начала 1760-х годов мыслит и чувствует как типичный герой 1780–1790-х годов!) не изменяет главного: утопического отношения к саду (будь он регулярный или пейзажный!), создание которого сразу выделяет молодого дворянина Болотова из среды провинциальных помещиков, делает его человеком культурным и цивилизованным.

Воспринимая сад как идеальную утопию места, где душа пребывает в состоянии покоя и счастья, мемуарист впоследствии будет связывать с ним важнейшие повороты своей судьбы, например женитьбу, когда сад становится для него настоящим храмом природы. Этот сентиментальный пантеизм, опять, вряд ли был характерен для юноши 1750-х — начала 1760-х годов, если только мы не примем во внимание то «книжное» образование, которое Болотов получил, находясь в Германии, в Кёнигсберге, и читая «чувствительные» романы немецких писателей.

К примеру, в день своей женитьбы Болотов, увидев «чистое и прекрасное восходящее солнце», «побежал в сад и, уклонившись от людей, пал ниц на землю перед невидимым Господом и отцом своим небесным и, принося ему за все обыкновенные свои благодарения, просил его на коленях о ниспослании своего в сей толико важный для меня день и о том, чтоб он был ко мне милостив» [Там же, с. 293–294]. Примечательно, что в этом отрывке присущий автору сентиментальный пантеизм усиливается за счет столкновения и сопоставления двух семантических планов: плана сада и плана церкви. Болотов замечает: «Едва я успел возвратиться из сада, как сказано мне было, что пришел уже священник со своим причетом для служения всенощной» [Там же, с. 294]. Итак, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в саду Болотов молится один и для себя, а во время всенощной и молебна вместе с другими во имя исполнения обряда¹.

Таким образом, сад становится воплощением идеальной интимной стороны бытия героя, а любовь или (нелюбовь) к саду становятся для него критериями духовной близости или, наоборот, чуждости к нему того или иного человека. К примеру, женившись не столько по любви, сколько по расчету на 13-летней девочке, которая духовно оставалась для него чуждым человеком во все время внешне благополучного супружества, Болотов, между прочим, связывает эту «чуждость» жены с ее равнодушием к книгам и к саду: «Не видно было и того, чтоб она и к

---

¹ При этом могла возникнуть проблема, на которую указывает немецкий исследователь Адельхейд Рекстойзер. По мнению автора, приобретя западное образование и познание, Болотов уже не мог оставаться тем «естественным» православным человеком, какими были, к примеру, его отец или дед, не прошедшие школы западной культуры. Тем не менее сам Болотов, по мнению исследователя, не страдал от этой раздвоенности, воспринимая свою «двойную жизнь» как нечто само собой разумеющееся, «поскольку, по-видимому, считал, что культура и образование как некая нейтральная территория открыты для каждого человека независимо от того, православный он, католик или протестант, или вообще атеист» [7, с. 237].

садам могла быть когда-нибудь охотница и чтоб ее и в них что-нибудь особенное веселило, но она смотрела на все с равнодушием совершенным» [Там же, с. 303]. Зато подлинного духовного товарища, с которым «мог бы я разделить все свои душевные чувствования, все радости и утехи в жизни и которому мог бы я сообщить обо всем свои мысли, заботы и попечения» [Там же, с. 304], Болотов находит в своей теще. Болотов пишет о своей «богоданной матери» следующее: «Она была так умна, что я мог разговаривать с ней обо всяких материях. <...> В садах ли находил я себе что-нибудь в особенности приятное, меня занимающее и увеселяющее, то было кому сообщить радость и удовольствие свое и быть уверенным, что возьмется в них соучастие» [Там же, с. 304–305].

Сельская садовая идиллия, которую Болотов подробно и с явным эстетическим наслаждением описывал в своих записках, ясно противопоставляется в «Жизни и приключениях...» суровой прозе жизни. В этой реальной жизни мемуаристу приходится воевать с соседями при межевании земель, пороть крестьян за непослушание, самому приходиться в ужас при слухах об особо зверских проявлениях крепостнического произвола. За пределами его регулярных садов начинается крестьянская война под предводительством Пугачева, бушует моровая язва в Москве и окрестностях, распространяется учение масонов, но Болотов остается верным своей философии садов, не забывая при этом и об интересах своей семьи. Последнее обстоятельство заставило его принять предложение князей Гагариных и стать управляющим их обширных поместий в Богородицке.

Такое дуалистическое мировоззрение героя «Жизни и приключений...» не должно удивлять. И. Свирида так характеризовала антиномический характер мироощущения создателей садово-парковой утопии: «Одним из его выражений было постоянное взаимопроникновение утопического и прагматического начал. Их контаминация во многом определила картину мира, а также менталитет людей той эпохи» [8, с. 51].

В 1780-е годы на смену регулярным классицистическим садам приходят пейзажные сады, сады романтизма. В записках Болотова прекрасно отражается эта революция в садовой философии, которая во многом произошла у него под влиянием взглядов немецкого поэта К. К. Гиршфельда, которые печатались в «Экономическом магазине», издаваемом А. Т. Болотовым в 1780–1789 годы, за 1786 год (часть XXVII).

Под влиянием чтения книг Гиршфельда Болотов начинает преобразовывать сады Богородицка, где он работал управляющим, из «регулярных» в «иррегулярные» с сюрпризами, павильонами, фигурами, в которых должна была отражаться не просто красота «натуры садов», но «семантика чувств» его создателей и посетителей, пользуясь терминологией Д. С. Лихачева [5].

Само устройство «иррегулярного» сада Болотов представлял как создание «живописных ландшафтов», являющих себя уже не чертежами, но «разнообразными садовыми сценами, какие должны были спредь иметь и в самой натуре свое существование» [2, с. 1138].

Став истинным творцом природы, создателем одного из первых пейзажных садов в провинции, Болотов, конечно же, мечтал об официальном признании своего труда. И такая возможность представилась, когда императрица Екатерина II в 1787 году проезжала через Тулу, где в то время находилось семейство Болотовых, возвращаясь из своего путешествия по югу России.

Как известно, Екатерине II много раз приходилось встречаться и говорить с философами. В Туле ей предоставлялась возможность встретиться с первым в России «экономическим писателем» и садоводом. Тем не менее эта встреча не произошла по той простой причине, что Екатерина II конца 1780-х годов, в отличие от Екатерины начала 1760-х годов, уже очень мало интересовалась какими бы то ни было утопистами и утопическими проектами. Императрица не заметила философа-садовода Болотова, что не могло внутренне не оскорбить его. Не случайно при описании сцен с императрицей 1787 года в записках присутствует ироническая экспрессия, направленная, правда, на самого себя. Но эта ирония бросает специфический ответ и на саму императрицу.

Так, описывая приезд императрицы, Болотов пишет: «Я начал ласкать себя наиприятнейшей надеждой, — пишет Болотов, — что, может быть, иметь я буду счастье говорить с самою Государыней, не сомневаясь не мало в том, что императрица не преминет книги рассмотреть, а при сем самом по любопытству своему восхочет поговорить со мною о Богородицке и о саде оном. <...> Мечтал в мыслях своих неведомо что и строил на воздухе гишпанские замки. Но увь! все совершилось и пошло не так, как я думал и себе воображал» [1, т. 3, с. 416]. Книги Болотова о садах вместе со многими атласами и ландкартами, относящимися к Тульской губернии, дело всей его жизни, выхватывают из рук мемуариста при представлении его императрице равнодушные к устройству садов придворные, и Екатерина не обращает более ни на дар, ни на самого мемуариста никакого внимания, несмотря на все его отчаяние. Поэтому Болотов-мемуарист имел все основания с горечью сказать себе: «Вот те на! И вот чем все наши ожидания кончились!» [Там же, с. 422].

Тем не менее Болотов занимался садоводством буквально до своей смерти, о чем свидетельствуют воспоминания его внука Михаила. Так, рассказывая о труде «роты молодцов» под руководством деда, Михаил пишет, что они «окапывали старые яблони, обмазывали и очищали их, пересаживали молодые из питомника, огораживали сады и делали разные работы по украшению гуляльного нагорного сада» [3, с. 743].

Однако интересно, что М.П. Болотов, человек совершенно другой эпохи, чем та, к которой принадлежал его дед, смотрит на сады уже преимущественно как на средство получения дохода, а не как на утопию идеальной жизни на лоне природы. Он пишет о своем деде: «...сады восхищали его и, по десятилетней сложности, приносили не менее 350 рублей ассигнациями в год чистого дохода — сумма, по тогдашнему времени, не только достаточная для аккуратного проживания старичкам, но даже громадная, так что он ежегодно мог уделять некоторую часть в сбережение» [Там же, с. 744].

Поэтому глубоко символична гибель болотовских садов почти одновременно со смертью «замечательного помолога XVIII века» [Там же, с. 723], как называл Болотова внук. Эта гибель наглядно знаменует собой наступление нового, железного века, в котором отношение к садам будет уже не эстетически-утопическим, но чисто прагматическим. Духом этого прагматизма оказывается заражен, прежде всего, сам внук Болотова, Михаил, в котором утопист Болотов хотел видеть продолжателя своего дела, призывая как можно скорее выйти в отставку и заняться возделыванием садов.

Из-за сильных весенних морозов 1836 года «рушилось все садоводство в средних губерниях России» [Там же, с. 751]. Все попытки возродить к жизни гибнущую садово-парковую утопию века Просвещения были обречены на провал. Вслед за страшными морозами началось нашествие полевых мышей. В результате «все, как в питомниках, так и пересаженные, привитые яблоньки погибли от их прожорства» [Там же]. «Тогда я увидел, что все старания мои остаются тщетными, и нет уже надежды на приведение садов в прежнее их доходное положение (курсив наш. — Е. П.)» [Там же, с. 752], — с горечью констатировал М. Болотов.

Таким образом, задолго до вырубки чеховского вишневого сада русской садово-парковой утопии приходит конец в русской мемуарно-автобиографической литературе XIX века.

Список литературы

1. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3 т.: 1771–1795. М., 1993.
2. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Болотова: в 4 т. СПб., 1873. Т. 3.
3. Болотов М. П. Воспоминания о последних годах жизни А. Т. Болотова // Русская старина. 1873. Кн. 11. Т. 8. С. 738–753.
4. Делиль Ж. Сады. Л., 1987.
5. Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.
6. Поуп А. Опыт о человеке // Поуп А. Поэмы. М., 1988.
7. Рекстойзер А. Православная религиозность и западное образование в России конца XVIII – начала XIX века. Андрей Болотов // Контекст-1993. М., 1996. С. 220–262.
8. Свирида И. И. Утопизм и садово-парковое искусство эпохи Просвещения // Культура эпохи Просвещения. М., 1993.

Об авторе

Е. Е. Приказчикова — канд. филол. наук, доц., Уральский государственный университет им. М. Горького, miegata-logos@yandex.ru

Author

Dr. Ye. Prikazchikova — Associate Professor, Ural State University, miegata-logos@yandex.ru

